

В ОДИН из погожих сентябрьских дней 1853 года к заставе губернского города Тверь не спеша подъехала коляска, запряженная тройкой лошадей. Видно было, что позади у нее осталась не одна сотня верст: когда-то блестящие крылья потускнели, покрылись пылью. Краска выгорела и местами облупилась. Пассажиров было трое: средних лет мужчина, молодая еще женщина и мальчик лет десяти. В подорожной значилось: отставной прапорщик линейного Сибирского батальона № 7 Федор Достоевский с семьей направляется к месту своего нового жительства.

☆ ☆ ☆

Пожалуй, трудно найти в русской литературе писателя, чей творческий путь начинался бы столь блестительно. Первый роман Достоевского «Бедные люди», сразу выдвинул его в число лучших писателей своего времени. Он выступил в литературе как писатель демократического лагеря, как писатель-гуманист, произведения которого были направлены в защиту всех униженных и оскорблений.

В судьбе молодого писателя живейшее участие принял великий русский критик В. Г. Белинский, который увидел в Достоевском достойного продолжателя замечательных традиций Гоголя. Критик ввел его в кружок передовых русских литераторов, во главе которого стоял сам Достоевский. Много лет спустя, вспоминая время, Достоевский говорил: «Я уже в 46-м году был поставлен во всю правду... грядущего «обновленного мира» и во всю святость будущего коммунистического общества еще Белинским».

Однако далеко не все безоговорочно принимали Достоевский в учении Белинского. Особенно глубокие расхождения между ними были по вопросам религии. Это привело в конец концов к разрыву.

Но связь писателя с передовым общественным движением того времени на этом не оборвалась. Вскоре он становился постоянным посетителем заседаний кружка М. В. Буташевича-Петрашевского, активного пропагандиста идей утопического социализма. Но взгляды Достоевского уже тогда были во многом противоречивы. Говоря о социальных преобразованиях в стране, он не считал, что для этого нужна именно революция.

Царь Николай I, смертельно боявшийся любого проявления свободомыслия, тревогой следил за деятельностью кружка Петрашевского. В

ДОСТОЕВСКИЙ В СИБИРИ

К 100-летию пребывания писателя в Сибири

ночь с 22 на 23 апреля 1849 года большинство петрашевцев и в том числе Достоевский были арестованы. Девять месяцев продолжалось следствие, и все это время писатель находился в одиночной камере Алексеевского равелина.

На допросах Достоевский держал себя мужественно и твердо: о своих товарищах предпочитал молчать, да и себя ни в чем не признавал виновным. Следственная комиссия признала его «едним из важнейших преступников», а военный суд приговорил в числе других к расстрелу.

22 декабря 1849 года на Семеновской площади в Петербурге разыгралась позорная комедия. Над осужденными петрашевцами был совершен обряд подготовки к смертной казни, а в последнюю минуту им сообщили окончательный приговор, хотя он был подписан парем чуть ли не за месяц перед этим. Согласно новому приговору Достоевский был осужден на четыре года каторги и вечную солдатчину. Отбывал наказание писатель сначала в Омской каторжной тюрьме, а затем в 7-м Сибирском батальоне, квартированном в Семипалатинске.

Многое увидел писатель на каторге. Сотни

людей прошли перед его глазами. Перед ним

открылся совершенно новый мир, о существовании которого он и не подозревал. Куда бы ни

обращал писатель свой взор, повсюду видел

где страдания, беспросветную нужду и нищету.

Но больше всего, его поразила та безудержная

ненависть, с которой обитатели острога от-

носились к дворянам и в особенности к осуж-

данным за политические преступления. И Достоевский постепенно приходил к мысли о том,

что простой народ и «образованное русское об-

щество» разделяет глубокая пропасть, что они

стремились далеки друг от друга. Но писатель

не понимал, что ненависть простых людей

к политическим заключенным вполне законо-

мерна и обяснима. Ведь, обитатели острога

в массе своей не знали, в чем сущности их пре-

ступления. Они и не догадывались, что те хотели

избавить простых людей от рабства и насилия.

Сами же политические ни о себе, ни о сво-

ей деятельности никогда ничего не говорили, и

поэтому обитатели острога видели в них только представителей другого, враждебного им класса.

Видя глубоко неприязненное отношение к себе каторжников, Достоевский сделал глубоко ошибочный вывод не только о разобщенности простых людей и «образованного общества», но и о неизбежности той борьбы, которую вели передовые люди того времени за коренное общественное переустройство страны.

Четыре страшных года провел писатель в Омской каторжной тюрьме. И все это время его не оставляла надежда когда-нибудь вернуться в литературу. В долгие зимние вечера, когда сон казалось, бежал от глаз, Достоевский до мельчайших подробностей продумывал все детали своих будущих произведений. И несомненно, что еще на каторге он задумал создать свои знаменитые «Записки из мертвого дома». Об этом свидетельствует сохранившаяся «Сибирская тетрадь», куда писатель заносил наиболее яркие выражения каторжников, отдельные сценки из жизни острога. Все это позднее было широко использовано Достоевским при работе над произведением о «мертвом доме».

В феврале 1854 года Достоевский вышел из

каторги и был отправлен «рядовым без выслуги» в Семипалатинск. Началась новая, но не менее трудная жизнь. Бесконечные учения, мушилка, бесполезная, цепенящая мозг шагистика — все это напоминало ту никому не нужную работу, которую часто заставляли выполнять на каторге; К тому же здоровье писателя день ото дня становилось хуже. Еще на каторге развились у него эпилепсия, приступы которой

развивались все чаще и чаще. Но Достоевский не терял присутствия духа, не терял надежды

получить свободу и вернуться к литературным занятиям. В свободное от службы время, тайком от начальства он много читает, пишет огромное количество писем, к родным и знакомым,

а которых после многих лет вынужденного молчания пробует перо. Однако, больше всего писатель сейчас думает о том, как ему поскорее

выйти на свободу и получить право печатать свои произведения. Не имея в Петербурге ни

прежнему. Слишком уж инертной и неподвижной казалась Достоевской Россия, чтобы ее поднять и пробудить от векового сна. Восторженных энтузиастов, одним из которых когда-то был и он сам. Человек на фоне истории и неподвижности казался слишкоменным и неподвижным существом, неспособным противостоять страшной силе окружающего общества: деспотизму, лихоманке, глупости и взяточничеству. Все это привело Достоевского к порочному выводу о том, что бороться с злом, которое его окружает, бороться с простыми людьми бесполезно, что лучше признать пока существующий порядок и одновременно поискать новый освобождение человечества от векового коня и социальной несправедливости.

В последний период жизни в Семипалатинске Достоевский много и плодотворно работал, создав повести «Дядюшкин сон», «Семипалатинчика и его обитатели», пишет фрагменты «Записок из мертвого дома», отдельные романы «Униженные и оскорбленные».

Но жить в Сибири писателю становилось труднее и труднее. «Давит меня. Глобус жаловался он в письме к своей сестре. Другой раздражал его и знакомых досуги, а также хлопоты друзей и знакомых достигли своей цели. Достоевский был произведен сначала в унтер-офицеры, а потом в прапорщики. Офицерский чин позднее дал ему возможность выйти в отставку и выехать в Россию.

Ту же никчемную, одуряющую своим однообразием жизнь увидел Достоевский и в Кузнецке, куда он приезжал несколько раз к своей будущей жене М. Д. Исаевой. Здесь было еще более тескливое, чем в Семипалатинске. Кузнецк в то время мало чем отличался от многих других небольших уездных городишек, затерянных среди бескрайних российских просторов, да к тому же стоявших в стороне от больших дорог.

И не мудрено поэтому, что Достоевский не сумел разобраться в событиях, происходивших в далеких столицах. А жизнь там была ключом. После смерти Николая I и окончания Крымской войны в России начался мощный общественный подъем. Там все жили в ожидании новых реформ и преобразований. Повсюду горячо обсуждались вопросы о положении крепостного крестьянства, о путях общественного устройства страны и т. д.

Здесь же, в сибирской провинции, казалось, все было по-старому, и ничто не предвещало каких-либо изменений. И Достоевский начинает думать, что может быть, людям, которые его окружали, и сотням других людей, живущим на необъятных просторах России, все эти новые идеи и устремления совершенно ни к чему. И что бы там ни говорили в столицах, как бы горячо ни ратовали передовые люди за всеобщее человеческое братство, здесь все останется по-

тилько

Н. ЯКУШИ
кандидат филологических наук

г. Сталинск.

Редактор Ф. Е. ДЕМИДОВ